

Кондратий Биркин

Сигизмунд II Август, король польский

*Часть сборника
Временщички и фаворитки*

Кондратий Биркин
Сигизмунд II Август,
король польский
Серия «Временщики и фаворитки»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174180
Временщики и фаворитки: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-25843-7

Аннотация

«Сын короля Сигизмунда I и супруги его Боны Сфорца, Сигизмунд II родился 1 августа 1520 года. По обычаю того времени, в минуту рождения младенца придворным астрологам поведено было составить его гороскоп, и, по толкованиям их, сочетание звезд и планет, под которыми родился королевич, было самое благоприятное. Зловещий Сатурн не воспрепятствовал сочетанию Марса и Юпитера с Венерою, ярко сиявших в созвездии Девы...»

Кондратий Петрович Биркин Сигизмунд II Август, король польский

Барбара Радзивилл (1548–1572)

Сын короля Сигизмунда I и супруги его Боны Сфорца, Сигизмунд II родился 1 августа 1520 года. По обычаю того времени, в минуту рождения младенца придворным астрологам поведено было составить его гороскоп, и, по толкованиям их, сочетание звезд и планет, под которыми родился королевич, было самое благоприятное. Зловещий Сатурн не воспрепятствовал сочетанию Марса и Юпитера с Венерою, ярко сиявших в созвездии Девы. «Младенец будет мудр, могуч, славен, — объявили звездословы, — будет мудр, как Соломон, но и женолюбив не менее Соломона!» Последнее предсказание, как доказала жизнь Сигизмунда, было не совсем лишено основания. По совету тех же астрологов к имени королевича присоединено было и прозвище Августа не за будущие его подвиги, а просто в память рождения его в августе месяце.

Телосложение и наружность королевича обещали в нем здорового и сильного красавца; умственные способности хо-

тя и не выходили из разряда посредственности, зато в сердце его с самого нежнейшего детства обнаруживались зачатки страстности и доброты, приличествующих более женщине, нежели мужчине, особенно правителю государством. Есть гермафродизм физический, есть и моральный, и, к несчастью, подобное уродство характера явление далеко не редкое. Этот недостаток, сносный в человеке обыкновенном, можно назвать пороком в государе. Подобно хирургу, правитель царства должен обладать известным запасом жесткости в характере, так как чувствительность и мягкосердие не всегда уместны в делах правления. Слишком чувствительный и мягкосердый хирург, сам лишаящийся чувств в минуту операции, при всей своей жалостливости принесет больному вред вместо пользы... То же самое и монарх, чересчур послушный голосу сердца: есть правительственные меры, которые для государственного тела то же, что хирургические операции для человеческого организма. Наш великий Петр – образец государя-хирурга; недаром же он и сам, готовясь подписать смертный приговор сыну, сравнивал его с «гангренозным членом, который следует отсечь, дабы спасти от заражения здоровые части тела». Далеко не таков был Сигизмунд, нежный от природы и еще, к вящему смягчению своего женственного характера, взращенный матерью, пылкой итальянкой, любившей и баловавшей его до безумия. Детство королевича протекло в кругу женщин, от которых он усвоил все вредные качества, будущему монарху

почти пагубные. Семи или восьми лет Сигизмунд уже влюблялся в фрейлин своей матери; смеясь и шутя, последние невинными ласками волновали мальчика, сердце которого под знойными лучами страстей созревало преждевременно в ущерб рассудку. Мечтательность заменяла ему холодное размышление; область фантазии, населенная очаровательными призраками, отвлекала от действительности; восторженность уносила от земли на небеса...

Королевицу исполнилось десять лет, и сейм, вопреки существующим узаконениям, объявил его преемником короля Сигизмунда I. Отец, обрадованный этим решением, делавшим королевскую власть наследственной в его семействе, обратил наконец пристальное и серьезное внимание на характер сына и решил его перевоспитать. На первый случай, отняв королевича от нянюшек и мамушек, он сдал его на попечение гнезденского каштеляна Опалинского – человека умного, ученого и сурового... Королевич в руках этого наставника напоминал ярый хмель, привязанный к сухой, безжизненной тычинке. Учебные занятия, несмотря на усердие наставника, шли вкривь и вкось; не умея приохотить ученика к наукам, Опалинский вел его к познаниям тернистым и утомительным путем педантизма. Математика хромала, история отталкивала королевича своей сухостью, и обширные ее области казались ему унылым кладбищем... Одна изящная словесность еще имела для него некоторую заманчивость, но и успехи в языках далеко не вознаграждали

за нерадивость в науках. Все, чем с неутомимым терпением начинал голову ученика бедный Опалинский в течение осени и зимы, — все выветривалось при первом дуновении весны, все растаивало, как снег, во время летних жаров. Педагог потчевал своего питомца Геродотом, Квинтом Курцием, а королевич предлагал ему взамен скучной беседы за фолиантами прогулки в дворцовом парке или поездку по полям и живописным окрестностям Кракова... И бедная тычинка гнула под набегами молодого хмеля!

Прошла юность, а с нею наступило время для родителей королевича подумать о его женитьбе. Мысль женить Сигизмунда тем более радовала отца и мать, что с женитьбою сопряжена была возможность преобразовать недоучившегося юношу и остепенить его по мере возможности. Выбор короля пал на австрийскую эрцгерцогиню Елизавету, сестру германского императора Фердинанда... Женили королевича, и Елизавета была для него не столько женою, сколько гувернанткою. Пользуясь влиянием на мужа, она сумела приохотить его к занятиям научным, образовала его вкус, во многом исправила характер, в котором проявились были черты твердости и мужественности... К сожалению, Елизавета скончалась (1545 г.), и двадцатипятилетний вдовец, вырвавшись на волю, предался всем порывам своих врожденных склонностей и вскоре позабыл и жену-наставницу, и ее уроки. Прежний идеалист, превратившийся теперь в рьяного материалиста, служил своим страстям со всем усердием

своей пылкой, огненной природы и безжалостно губил время в наслаждениях чувственных. Между сотнями женщин, которым он жертвовал собою или которые ему приносили себя на жертву, королевич искал своего идеала – порожденно-го воображением, взлелеянного нежными мечтами юности, чуть ли даже не отрочества. Судьбе угодно было, чтобы королевич обрел свой воплощенный идеал и в любви своей к нему явил грустный пример, на что может быть способен человек, по-видимому, слабый и бесхарактерный, но ослепленный страстью. Избранницею сердца Сигизмунда Августа была молодая вдова паладина Троцкого Гастольда – Варвара Радзивилл, дочь каштеляна виленского. Судя по портретам и описаниям современников, Варвара была блондинка, среднего роста, довольно полная лицом и станом; характера была кроткого, обходительного, обладала большим умом, но вместе с тем и кокетливостью, той умной и увлекательной кокетливостью, которая искони веков врожденна одним только полячкам. Француженка, итальянка, кокетничая, действует только на чувственность, немка – на приторную сентиментальность, англичанка – на рассудок и убеждения нравственные... Одна только дочь Сармации умеет осветить мужчину со всех сторон его характера, кружить ему голову, привлекать, завлекать, но, сводя его с ума, никогда самой не увлекаться, не терять рассудка и не преступать пределов благоразумия. Полячка-любовница остается верною и постоянною, как жена; полячка-жена любит мужа со всем увлечением лю-

бовницы... Это сирена, ведущая человека не к гибели, но всего чаще к брачному алтарю, и надобно отдать справедливость уменью полячек достигать в своей любви этой благородной цели, узаконяющей любовь. Стремясь к увенчанию последней брачным венцом, полячки повинуются двум равно развитым в них чувствам: врожденной гордости и убеждениям религиозным.

Так действовала Варвара Радзивилл с королевичем Сигизмундом и, пленив его, сама умела лавировать, минуя бездну, в которую менее искусную женщину могла бы увлечь страсть. Варвара любила королевича; но путь в ее опочивальню шел чрез брачный алтарь, и другого не было. Ласки Варвары, всегда скромные, стыдливые, никогда не преступали границ, предначертанных ее благоразумием. Бывали минуты, когда королевич в припадке любовной горячки падал к ее ногам, осыпая их слезами и поцелуями, тогда Варвара всегда находила возможность отвлечь страстные его помыслы на иное; отказывая ему в блаженстве в настоящем, она утешала Сигизмунда надеждами на будущее; пробуждала в его душе чувства идеальные; цветами поэзии утешала его за отсутствие вожеленного плода любви чувственной, плода сладкого, упоительного, но все же запрещенного... В ответ на слезы своего обожателя Варвара нежно улыбалась, осушала их поцелуями, не жгучими поцелуями страсти, но поцелуями родственной, чистой ласки, подобными дуновению весеннего ветерка, ароматного, сладостного, но и прохладного.

Честь и слава уму женщины, так искусно маневрирующей с сердцем любимого человека, но надобно же такой героине и в собственном сердце иметь богатейший запас холодности и расчетливости. При свидании этих платонических любовников они как будто менялись ролями: Варвара казалась твердым, непреклонным мужчиною, а Сигизмунд – слабою женщиною.

– Я обожаю тебя! – повторял он Варваре.

– Женись, – отвечала она.

– Неужели страсть моя останется без ответа?

– Отвечу, когда буду твоей супругою.

– Но ты сама любишь меня?

– Люблю и потому-то уверена, что ты будешь моим супругом...

Впрочем, может быть, Варвара была бы менее сурова, если бы над нею не бодрствовала ее почтенная родительница, подкреплявшая ее своими советами, а подчас и руководившая всеми ее действиями. Окончательно побежденный страстью, королевич сочетался с нею тайным браком; тот и другая достигли своих желанных целей. Супруга королевича Варвара и после брака действовала с неподражаемым тактом ради упрочения привязанности и верности мужа. Во избежание возможного с его стороны охлаждения в том случае, если бы свидания их стали бывать чаще прежнего, Варвара не только не соглашалась переселиться из Вильны ближе к Кракову, но, напротив, убедила своего супруга навещать ее

реже и сколь можно тайно, чтобы не навлекать подозрений. Эта романтическая таинственность придала любви королевича к Варваре всю заманчивость запрещенного плода; объятия красавицы, до которых он достигал, преодолевая препятствия, не теряли в его глазах своей обаятельной привлекательности, и в наслаждениях своих Сигизмунд не доходил до пресыщения... Нечего и говорить, что в разлуке нежные супруги хранили обоюдную верность. И могло ли быть иначе? Для Сигизмунда искушение было немислимо; для Варвары и того менее: в замке своем она жила совершенной затворницей.

20 марта 1548 года король Сигизмунд I скончался, и преемником ему был единогласно провозглашен сын его Сигизмунд II

Август. Принимая должную и законную дань почестей как государь, Сигизмунд приобщил к ним и свою супругу, объявив ее королевою со всеми правами, сану ее предоставленными. Варвара прибыла из Вильны в Краков, где торжественно была встречена королем. Этот триумф и морганатический брак Сигизмунда возбудили живейшее неудовольствие в духовенстве и дворянстве.

– Без ведома его святейшества! – возроптало первое.

– Без согласия сейма! – шумело второе.

Коронация и следовавшие за ним празднества на время утишили эту бурю, но она поднялась в следующем году на Пиотковском сейме. Здесь вельможи объявили, что брак ко-

роля не может быть признан законным как бесполезный государству и позорный трону. Король, по мнению панов, обязан был брачным союзом с одной из первостепенных европейских держав упрочить величие своего королевства, а не унижать его.

– В этом деле, – отвечал король, – я предпочел и предпочитаю повиноваться голосу сердца, а не капризам народа.

За исключением Радзивиллов и их сродников, все вельможи, не скрывая своей ярости, стали роптать пуще прежнего и от ропота перешли к угрозам. В восшествии Сигизмунда на престол видели явное нарушение закона: король должен был быть избран из среды дворянства, как это велось исстари, а не наследовать отцу на престол, будто вступая во владение движимой собственностью. Самую же главную причину всеобщего негодования была зависть. Каждый пан, присутствовавший на Пиотковском сейме, думал, глядя на Варвару Радзивилл: зачем она, а не моя дочь, или сестрица, или племянница?

– Перед престолом Божиим Варвара Радзивилл моя супруга и пребудет моею супругою на королевском престоле! – отвечал король на смутный ропот панов. – Если она вам не угодна, я отрекаюсь от престола!

Последняя фраза была не пустою угрозою: Сигизмунд приступил к редакции манифеста о своем отречении.

– Пусть не думают мои надменные вельможи, – говорил король своим приближенным, – чтобы я мог купить их бла-

госклонность ценою моей доброй Варвары... За нее не возьму я не только королевства польского, но и корон всей Европы!

И как бы желая вознаградить супругу за незаслуженные оскорбления от дворянства, Сигизмунд удвоил свою к ней внимательность и нежность. Варвара со своей стороны, готовая пожертвовать собою для сохранения Сигизмунду короны королевской, старалась, и весьма успешно, укротить строптивейших ласковым с ними обхождением и кротостью. Ненавидя ее как королеву, враги Варвары не могли не отдавать ей справедливости как умной и прекрасной женщине. Король не отступался от своего намерения отречься и, только уступая разумным доводам архиепископа Краковского, до времени отложил свое отречение; в данную минуту оно было бы более чем несвоевременно. Войны с Россиею, волнения в Литве и Ливонии требовали от государя самой энергичной деятельности... Тут, как нельзя более кстати, Сигизмунду представился случай смирить кичливых дворян и заставить их покориться его воле. Пересматривая по случаю войны послужные списки многих вельмож, король обратил внимание на ту вредную особенность польской государственной администрации, что одни и те же лица одновременно занимают по несколько должностей, получая соответствующие им доходы и содержания; некоторые должности, подобно майоратам, были в вельможеских семействах наследственными... Желая нанести решительный удар честолюбию и корыстолю-

бию панов, король решился издать манифест, в силу которого наследственность в должностях отменялась, одно лицо лишалось права занимать разом несколько мест и должностей. Прямая польза этого разумного мероприятия не могла бы даже быть и опровергнута на сейме... Магнаты увидели, что новый закон больно ударит их по карманам, т. е. по источникам их могущества, и решились во что бы то ни стало отклонить Сигизмунда от его намерения. Король был не прочь войти в полюбовную сделку: за ненарушимость старого закона он предложил вельможам признать Варвару Радзивилл королевою... Вельможи согласились.

Преодолеть препятствия и поставить на своем отрадно и человеку, одаренному силой воли; для бесхарактерного подобный подвиг истинное торжество, и именно такими глазами смотрел Сигизмунд на свою победу над гордыми магнатами. Увенчав голову любимой женщины короной королевской, посадить ее рядом с собою на престол, сказать своим подданным: «Люди, поклоняйтесь ей, обожайте ее! Я государь ваш, но она – моя царица, а я считаю за счастье быть ее рабом...» Это ли была не блаженнейшая минута для нежного, восторженного Сигизмунда. И Варвара была коронована в Кракове и всенародно объявлена королевою польскою; недавние недоброжелатели, смилив свою гордость, преклонили пред нею колени и недавний свой ропот заменили восторженными кликами. Сигизмунд торжествовал, конечно, более самой Варвары, и праздника, которыми он в Кракове

ознаменовал коронацию супруги, пышностью превосходили празднества собственного его воцарения. К сожалению, улыбка судьбы человеку всего чаще предшествует невзгодам. В числе многих тысяч гостей, ликовавших в стенах краковского дворца, невидимкою присутствовала та страшная гостья, для которой всегда открыты и чертоги королей, и лачуги нищих, гостья, которую вернее было бы назвать всемирною хозяйкою и непобедимую обладательницею вселенной... Досказывать ли, что мы говорим о смерти? Страшная невидимка, витая над королевою, уже осеняла ее готовившимся ей в близком будущем гробовым венком и веяла ей в лицо саваном. Варвара после коронации жила только шесть месяцев и в 1551 году скончалась от рака, по уверению докторов; от яда – по подозрениям Сигизмунда. Те же магнаты могли быть и отравителями несчастной Варвары.

Можно сказать без малейшего преувеличения, что скорбь короля по его усопшей супруге равнялась любви его к ней живой. Он не отходил от гроба Варвары ни днем ни ночью, откладывая погребение до крайнего срока и продержав тело до степени разложения, отвратительного для всех окружающих, кроме него самого. Облекшись в глубокий траур, Сигизмунд надел себе на шею золотой медальон с волосами покойницы; комнаты, в которых она жила во дворце, он приказал неизменно оставить в прежнем виде, как было при Варваре. К этим комнатам он присоединил траурную залу, стены которого были обиты черным сукном с серебряными

изображениями слез, мертвых голов, костей и т. п. На столе, стоявшем посредине комнаты, возвышалось распятие и тут же стоял портрет покойной королевы, и были разложены принадлежавшие ей наряды и уборы... В слезах и в молитвах Сигизмунд проводил в этой траурной зале целые дни. Увещания духовенства были напрасны, а попытки придворных рассеять и чем-нибудь позабавить короля не только оставались тщетными, но только сердили и раздражали его. Дворец принял вид обители трапистов, в глубокую темноту были по вечерам погружены его окна, во внутренних покоях царило могильное безмолвие, живые люди ходили неслышно, как тени, и только заунывный бой башенных часов напоминал о времени, а с ним и о вечности, в которую безвозвратно сокрылась королева Варвара.

За два или за три месяца, истекших со дня ее кончины, Сигизмунд постарел десятью годами и сам стал похож на мертвеца. Подобно всем вообще восторженным натурам, он находил особенную прелесть в своей грусти и наслаждался ею, напоминая больного, расчесывающего свою рану и тем не дающего ей зажить... От меланхолии до помешательства один шаг, и именно этого опасались придворные. Надобно было прибегнуть для излечения короля к средству отчаянному, страшному, и они отважились на это средство. Ниже следующий рассказ мы заимствуем из народных преданий, донныне сохраняющихся в австрийской Польше, частью и в наших западных губерниях. Именно в царствование Сигиз-

мунда Августа жил в Кракове знаменитый медик, астролог, алхимик, маг и чернокнижник пан Твардовский. В тот век невежества и фанатизма, чтобы приобрести подобную репутацию, достаточно было быть мало-мальски ученым человеком; Твардовский же и из ученых был не последним. Трудно с точностью определить степень его познаний в тайных науках, но в народе о нем сложились странные понятия вследствие многих чудесных исцелений и нескольких опытов, которые даже и в наше время весьма многим показались бы удивительными. К этому человеку обратились приближенные короля с просьбой исцелить его от душевного недуга.

– Это возможно, – отвечал колдун посланному, – если только не будет препятствия со стороны самого короля.

– Оно есть, – отвечал посланный, – так как его величество сам не желает исцеления.

Пан Твардовский дал совет придворному, который в тот же вечер нашел возможность ему последовать. Пользуясь особенным к нему расположением Сигизмунда, каштелян будто вскользь заронил словцо о возможности свидания живых с усопшими.

– Во сне? – уныло спросил король.

– Никак нет, государь, – отвечал каштелян, – а наяву и воочию...

– Посредством нечистой силы?

– Посредством науки, ваше величество. В Кракове есть человек...

– Не о Твардовском ли вы мне намерены рассказывать? По слухам, именно этот человек и чернокнижник, и колдун не хуже немецкого доктора Фауста. Отец Архиепископ обращал мое внимание на Твардовского как на вредного человека... Нет, благодарю за предложение его услуг: между раем, в котором теперь праведная душа королевы, и адом, который повинуется Твардовскому, не может, да и не должно быть ничего общего. Я сам вызову тень моей Варвары молитвою!..

Несмотря, однако же, на свой аскетизм, король через несколько дней сам возобновил разговор о пане Твардовском.

– Вызвать тень королевы, – сказал он каштеляну, – вашему чернокнижнику едва ли возможно. Душа ее до такой степени далека от здешнего бренного мира, что даже не является мне в сновидении, несмотря на все мои старания...

– Видеть во сне именно того, кого желаешь, живого ли, мертвого ли, действительно очень трудно, особенно если об этом человеке мы постоянно думаем. Ум, утомленный одною постоянною мыслию в течение дня, естественно, стремится к иным мыслям во время ночи.

– А ваш Твардовский может вызвать тень наяву?

– Может, государь.

– Весьма сомневаюсь... а впрочем... – продолжал король в раздумье, – отчего бы не попытаться? Только предупреждаю вас, если я вздумаю решиться на этот грех, то не иначе как по предварительном объяснении колдуна: какими имен-

но средствами он вызовет призрак? Если явление будет основано на законах науки и природы – я согласен... но если, Боже сохрани, Твардовский прибегнет к черной магии, тогда пусть лучше и не думает меня морочить!

– Когда же прикажете явиться ему во дворец?

– На днях, может быть, завтра... Я назначу сам.

Через неделю пан Твардовский был представлен королю Сигизмунду. Король принял его в траурной зале и выказал при этом суеверный ужас: не допустив колдуна к руке и вообще удерживая его на почтительном расстоянии, Сигизмунд несколько времени молился, осеняясь знамением креста. Из придворных присутствовали при этом трое приближенных, на скромность которых король мог вполне положиться.

– Вам передали мое желание? – робко спросил он Твардовского.

– Передали, ваше величество. Надеюсь, с помощью...

– Не говорите, с чьей помощью, если в этом деле примут участие духи... В этой комнате, посвященной памяти моей супруги, не должно быть произносимо никаких заклинаний.

– Их не будет, ваше величество.

– Посредством чего же вы вызовете тень?

– Посредством курева, составленного мною по рецепту древнего ученого, – и только. К этому куреву я попрошу, ваше величество, позволить мне прибавить локон волос покойной королевы...

– Без этого нельзя?

– Невозможно, государь.

Король, медленно сняв с шеи золотую цепь, открыл медальон, и две крупные слезы капнули на сложенную в нем прядь белокурых волос... Он, видимо, колебался расстаться со своим сокровищем. Между тем Твардовский, занавесив распятие куском черного крепа, попросил одного из присутствовавших придворных принести жаровню с горячими угольями.

– Ваше величество позволит мне, – обратился он к королю, – до приступления к опыту сообщить вам весьма важную предосторожность?

– Именно?...

– Не обращаться к призраку с вопросами, не называть его по имени...

– Не выражать ему ни ласки, ни сожаления? – уныло до-сказал король. – Даже и этого нельзя? А если я невольно нарушу ваше приказание'?

– Тогда, государь, дух покойной королевы примет на себя тот самый вид, в котором теперь находится ее бывшая земная оболочка, и умиление ваше уступит место ужасу, может быть, даже отвращению...

– В таком случае не скажу ни слова! – прошептал король.

Принесли жаровню и поставили ее на стол перед Сигизмундом; двери, по распоряжению Твардовского, плотно заперли... Воцарилась тишина страха и ожидания, и только

слышался легкий треск пылавших угольев. Вынув из кармана золотую коробочку, колдун высыпал на уголья содержавшийся в ней порошок, потом бросил на них же прядь волос покойной королевы. Острый, но довольно благовонный дым медленно поднялся с жаровни и, вместо того чтобы восходить к потолку, начал расстилаться по комнате... Дверь, которая вела из траурной залы в комнаты королевы, медленно распахнулась, и на пороге показался призрак покойной в богатом уборе, с головы до ног будто серебристым облаком покрытый газовой пеленой. Не касаясь ногами пола, тень, подобно клубу тумана, неслась к столу, вперяя в короля взгляд, полный грусти и невыразимой нежности. Дрожа всем телом, Сигизмунд приподнялся с кресел и, забыв обещание, данное Твардовскому, прошептал прерывающимся голосом:

– Ты... ты, моя Варвара!

Слова колдуна оправдались: спокойное, величавое лицо призрака исказилось, зубы оскалились, в глазных впадинах вместо глаз, полных ума и выражения, закопошились черви, вся фигура приняла очертание трупа, вздутого газами, и удушливый смрад разлился по воздуху... Король лишился чувств; призрак рассеялся вместе с дымом.

Вместе с щедрым вознаграждением пан Твардовский на другой же день получил от короля Сигизмунда приказание в двадцать четыре часа выехать из Кракова.

Так гласит народное предание, приправленное фантастической солью, но, может быть, основанное на истинном про-

исшествии. Верно известно, что через год после кончины Варвары король приказал уничтожить траурную залу, переоблечь апартаменты покойной супруги, а платья ее и уборы сдать в гардероб. По благодати провидения вечной скорби нет на земле, и время, одной своей волной унося в вечность близких нашему сердцу, другой замыкает наши сердечные раны:

Смертной силе, нас гнетущей,
Покоряйся и терпи —
Спящий в гробе мирно спи,
Жизнью пользуйся живущий!

В 1552 году король принял деятельное участие в спорном вопросе о свободе вероисповедания своих подданных. Духовенство угнетало протестантов; вельможи и дворяне им покровительствовали. Их же сторону в ущерб интересам паптеров принял и король. Следствием его разумной веротерпимости город Гданьск (Данциг), намеревавшийся признать над собою покровительство императора германского, остался в подданстве короля польского. В следующем году (1553), уступая желанию вельмож, Сигизмунд вступил в третий брак с Катериною Австрийскою, вдовою герцога Мантуанского. Этот союз, в котором нежное сердце короля не принимало ни малейшего участия, был заключен единственно ради политики: имея виды на Ливонию, которую он и присоединил к своим владениям (1556), Сигизмунд надеялся ублажить Ав-

стрию, породнясь с нею. Нерасположение короля к нелюбимой супруге постепенно усиливалось вследствие ее неплодия, и он решился наконец расстаться с нею. Развод этот мог рассорить Польшу с Австрией, но и на этот случай король, человек предусмотрительный, принял свои меры, заключив дружественный союз со Швецией и с Россией. Застраховав себя таким образом от вооруженного столкновения с империей германской, Сигизмунд решился испросить у папы Пия IV формального дозволения о расторжении брака с Катериною; папа отказал... Не обращая на это несогласие ни малейшего внимания, король отослал свою супругу в Вену к ее брату императору (1565). Римский первосвященник грозил Сигизмунду своими ватиканскими перунами в виде булл, экскоммуникаций и т. п. На них смелый король отвечал как нельзя злее, благоволя и покровительствуя своим подданным аугсбургского вероисповедания. Присоединение Литвы к Польше в 1569 году было последним великим деянием короля Сигизмунда; следовавшие затем шесть лет он провел в Кунсине (в Подляхьи), где и скончался 7 июля 1572 года, оставив по себе память умного политика, покровителя ученых и доброго служачи интересам королевства. Современники укоряли Сигизмунда только за один недостаток: щедрый на обещания, он был скуп на исполнения. За это его прозвали Королем Завтра.

В отношении психологическом личность Сигизмунда заслуживает внимания как живой образец непостоянства и из-

менчивости характера человеческого. Восторженный идеалист в юности, неутешный вдовец Варвары Радзивилл в зрелых годах, Сигизмунд, входя в года, остепенился, поуходился и сделался наконец вполне практическим человеком. Благодаря этой перемене к лучшему последние двадцать лет царствования Сигизмунда были не бесполезны и не бесславны для Польши. Что же касается до Варвары Радзивилл, честь и слава ее памяти за то, что она никогда не злоупотребляла тем влиянием, которое имела на короля, сперва пламенного любовника, а потом не менее нежного супруга. Если бы у королей XVI, XVII и XVIII столетий было поболее фавориток, подобных Варваре, в истории не было бы так много позорных страниц.